

ДЖ. ШТАЙНМЕТЦ

КРИЗИС ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ КРИЗИСА: ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК «КРИЗИСНАЯ НАУКА»

ШТАЙНМЕТЦ (Steinmetz) Джордж – председатель секции сравнительной и исторической социологии Американской социологической ассоциации, почетный профессор Мичиганского университета Энн Арбор, США, член-корреспондент Центра европейской социологии, Париж, Франция (geostein@umich.edu).

DOI: 10.31857/S013216250002166-5

Необходимость исторической социологии. Социология по природе интерпретативная и неизбежно историческая наука. Культурный и исторический подходы – не блюда в меню, которые по желанию выбираешь или отбрасываешь. Они – необходимая часть любой социологии, способной убедительно претендовать на разъяснение социальных практик и социальных структур. Историческая социология – хранительница исторического стержня этой формулы. Её миссия (если уместно говорить, что у неё есть миссия) – защищать социологию от возникающей иллюзии, что она может ограничить горизонт своего видения настоящим и будущим, оставаясь при этом социальной наукой. Секция культуры Американской социологической ассоциации может представляться более очевидным кандидатом на роль защитника социологии от столь же мощной иллюзии считаться свободной от смысла (meaning-free) социальной наукой. Но историческая социальная наука не может не тяготеть к герменевтическим и семиотическим формам анализа, поскольку миры прошлого всегда кажутся иноземными странами.

Неким предостережением относительно цены забвения этих базовых черт определения социальной науки служит история немецкой социологии. До 1933 г. в социологии этой страны преобладали в общем «веберовские» формы исторической интерпретативной социологии. Отнюдь не отдаляя немецких социологов от жизни общества, не помещая их в некую башню из слоновой кости, социологи-историцисты смогли тогда устранить некоторые давние барьеры, отделявшие их от профессии историка, и приблизиться к сердцевине, к ядру политической и интеллектуальной жизни. Нацизм превратил немецкую социологию в утилитаристскую, не- или аисторичную науку на службе текущих задач политиков. И куда направились немецкие социологи? Многие из них подались в США и Великобританию, дав стимул началам формального признания исторической социологии как дисциплины¹, отличной от социологии в американском понимании. Такова та часть наследия, которую мы, как социологическая секция АСА, самым непосредственным образом имеющая дело с исторической социологией, обязаны признать. Нет в Германии памятников таким ученым, как Норберт Элиас, Ханс Герт, Пауль Хонигсхайм и Карл Маннгейм, хотя они и многие другие социологи оказались в вынужденной эмиграции. Наша секция

¹ На доме во Вроцлаве (ныне Польша, до Второй мировой войны это был Бреслау, Германия), в котором родился Н. Элиас, установлена памятная доска. – Прим. ред.

способна воздать им должное наилучшим способом, сохранив олицетворяемые ими историцистские и интерпретативные подходы.

Но вы все же спросите, почему я говорю об этих событиях истории, а не сосредоточиваюсь на ужасах нынешнего охваченного кризисом спектакля? Я не утверждаю, что мы находимся в положении, идентичном тому, в котором пребывали немецкие социологи-историцисты 1930-х гг. История не повторяется. Чрезмерное акцентирование параллелей между нашим настоящим и ситуацией 1930-х не позволяет разглядеть специфику обоих этих периодов. Конечно, у нас сегодня тоже есть популистское движение, подогреваемое тем, что один из его лидеров называет *thymos* (ярость). У нас растет экономическая неуверенность, сочетаемая с нарастающим боем барабанов, перенацеливающим нашу *thymos* (ярость) на внутренних и внешних врагов. Но в отличие от времен Веймарской республики, у нас нет правительства, вынужденного платить военные репарации, населения, подверженного столь тягостному дискурсу национального унижения. У Америки сегодня нет Версальского договора. У нас нет откровенно антисемитской партии, успешно тянущейся к правительственной власти – по крайней мере, пока нет. В то же время США отличаются от Веймарской Германии рядом факторов, напрямую релевантных нынешнему кризису страны, включая историю её трансформации – начиная с рабства и внутреннего колониализма переселенцев – в расистское политическое формирование, характеризующееся неравенством избирательного права, тюремно-индустриальным комплексом, архипелагом сверхпауперизованных индейских резерваций и военизированными внутренними полицейскими силами. Тот факт, что США все еще руководят накренившейся неформальной глобальной империей, усугубляет нашу нестабильность в ряде параметров, радикально отличных от потери Германией после Первой мировой войны колониальной империи и территорий в Европе.

И хотя история не повторяется, ритмы (*rhymes*) в ней есть. Одни из этих повторяющихся ритмов проливают свет на наше собственное настоящее. Некоторые из подобных совпадений связаны со вновь ожившими причинными силами и причинными рядами – в рамках совершенно новых обстоятельств. И один из способов такого вмешательства, раз за разом приводимый в действие в новых условиях – это подавление исторического мышления в гуманитарных и социальных науках. Разрушение исторической социологии после 1933 г. в Германии может служить предупреждением в этом более ограниченном плане. Историческая социология была буквально разрушена в Германии в 1933 г. Даже сейчас, когда от даты капитуляции Третьего рейха нас отделяют более семи десятилетий, исторические подходы в германскую социологию все еще не возвратились в заметной степени [Steinmetz, 2010; Steinmetz, 2017]. Усилия приравнять социально-научную мысль к презентизму, эмпиризму, натурализму² повторялись в разные времена в разных местах – с разным успехом. Одна из самых успешных попыток такого рода случилась в социологии США между 1950-и и 1980-и гг., когда программа методологического позитивизма подкреплялась набором каузальных сил, включая политику государственных учреждений и фондов, новые статистические методы, формальные модели и компьютерные технологии. Американский фордизм породил регулярность и предсказуемость повседневных жизней практиков социальной науки, подкрепив тем самым правдоподобие эмпирицизма, презентизма и детерминированной повторяемости [Steinmetz, 2005].

Сейчас развернуто новое наступление против исторической и интерпретативной социологии. Конкретные источники такого разложения еще нужно выявлять. Среди них – успехи естественных наук, которые, кажется, заставляют считать устаревшими любые претензии на эмерджентную нередуцируемую социальную науку. Генетические науки обещают некое Эльдorado окончательного «единения» наук вокруг

²Натурализм здесь понимается как крах гуманитарных и социальных наук, их превращение в науки о природе, отрицание какой-либо эмерджентности социальных структур. Натурализм отрицает, что существуют какие-либо отличия, границы между естественными и социальными науками в плане методов, объектов, теорий. Естественные науки поглощают науки социальные и гуманитарные.

природного субстрата жизни; компьютерная наука претендует на обучение людей мыслить и даже обещает трансформировать их мышление. Какая польза от социальной науки в таком мире? Какая польза там от тяжелого, кропотливого, интенсивного труда исторических социологов? В науке эти тенденции связаны с массой угроз финансированию самой науки и научного экспертного знания, с угрозами академическим свободам и самоуправлению профессуры, подпитываемыми проникновением в университеты корпоративных практик, предпринимательских моделей, краткосрочного практицизма [Newfield, 2008; Lightcap, 2014; Bilgrami, Cole, eds, 2015]. Историческая социология может быть способна пролить свет на эти и иные силы, разлагающие нашу дисциплину и превращающие её в неисторическую социологию.

Социология – кризисная наука. Социология как дисциплина тесно связана с кризисом. Со времени Конта многие понимали её как *науку кризиса* – как дисциплину, рожденную из социального кризиса и отражающую его, предлагающую постановку диагноза и, возможно, способную внести вклад в его преодоление (и тем самым в собственную самоликвидацию) [Koselleck, 1988; Weiss, 1993]. Маркс был теоретиком нескончаемых кризисов капитализма и их непредвиденных результатов. Большинство европейских основателей социологии строили свою новую науку вокруг кризиса. Французские колониальные чиновники после 1945 г. описывали социологию как социальную науку, лучше всего подходящую для понимания всеобщего кризиса, порождаемого их собственным присутствием в колониях [Steinmetz, 2017b]. Ирония в том, что социология была основана как кризисная наука задолго до заявления Гоулднера о «кризисе западной социологии», вызвавшего массу стений, которые изображали его как результат фрагментации социологии, а не как её сущность.

В чем достоинства понимания социологии как кризисной науки? Вовсе не случайным совпадением было то, что два великих американских политических мыслителя – Томас Пэйн и Уильям Дюбуа – выбрали слово *кризис* для заголовка своих периодических изданий. Слово *кризис* привлекает внимание к крупным социальным патологиям и провалам, к моральным битвам, направленным на преодоление такого положения³. Само это слово родственно слову *критика* (*critique*). Как пишет Ж. Ройтман, кризис – это «базис критической теории», поскольку претендует на то, чтобы «пробудить моральную потребность в ином прошлом и будущем» [Roitman, 2013: 8]. Кризис не желает быть поглощенным свободной от ценностей социальной наукой.

Слово кризис в сочетании с прилагательными социальный, политический, геополитический, культурный, экономический, эпистемный или без них – это «средство обозначить контингентность». Кризис по природе своей историчен, означает отмену статичных аисторичных моделей, отказ от них [Roitman, 2013: 19]. Кризис противится эпистемологиям каузальных однородных регулярностей, которые М. Вебер считал анафемой для социологии [Swedberg, Agevall, 2016: 359; Agevall, 1999]. Как писал Р. Козеллек (1923–2006) в классическом труде на эту тему, именно «в природе кризиса заключено то, что его разрешение, таящееся в будущем, непредсказуемо» [Koselleck, 1998: 127]. Даже Маркс, претендуя на открытие «законов движения» капитализма, не претендовал на объяснение законов развития и разрешения какого-то конкретного кризиса. Более того – возможность не-разрешения кризиса и преодоления капитализма того времени была встроена в его теорию. Кризис «определяется и как полностью конкретное... и как структурное повторение», тем самым приближаясь к мысли о ритмах истории, скорее чем о ее повторях. Индивидуальные каузальные силы и каузальные ряды повторяются, всегда сочетаясь с новыми сочетаниями все новых и новых причин. Это делает эмпирические генерализации менее реальной целью, чем построение теории каузальных механизмов, которые можно переносить

³ См. комментарий М. Шульца, вице-президента по исследованиям Международной социологической ассоциации: URL: <http://soziologie.de/blog/2013/03/public-sociology-uber-die-soziologie-als-krisenwissenschaft>. О концепции социальных патологий см.: [Honneth, 1994: 9–69]. – Прим. перевод.

с одного конкретного сочетания причин на другое [Roitman: 20]. Социальные кризисы криком кричат против избыточной детерминации. [...] ⁴.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Agevall O. (1999) *Science of Unique Events: Max Weber's Methodology of the Cultural Sciences*. Ph.D. dissertation. Uppsala University.
- Bilgrami A, Cole J.R., (eds) (2015) *Who's Afraid of Academic Freedom?* New York: Columbia University Press.
- Koselleck R. (1998) *Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society*. Oxford: Berg.
- Lightcap T.L.R. (2014) Academic Governance and Democratic Processes: The Entrepreneurial Model and Its Discontents. *New Political Science*. No. 36: 4: 474–488.
- Newfield C. (2008) *Unmaking the Public University*. Cambridge, Mass.: Harvard UP.
- Roitman J. (2013) *Anti-Crisis*. Durham: Duke University Press.
- Steinmetz G. (2005) American Sociology's Epistemological Unconscious and the Transition to Post-Fordism: the Case of Historical Sociology. In: Adams J., Clemens T., Orloff A. (eds) *Remaking Modernity: Politics, Processes and History in Sociology*. Durham, NC: Duke University Press: 109–157.
- Steinmetz G. (2010) Ideas in Exile: Refugees from Nazi Germany and the Failure to Transplant Historical Sociology into the United States, *International Journal of Politics, Culture, and Society*. No. 23: 1: 1–27.
- Steinmetz G. (2017a) Field Theory and Interdisciplinary Relations between History and Sociology in Germany and France during the Twentieth Century, *Comparative Studies in Society and History*. No. 59: 2: 477–514.
- Steinmetz G. *Sociology and Colonialism in the British and French Empires, 1940s-1960s*.
- Swedberg R., Agevall O. (eds) (2016) *The Max Weber Dictionary: Key Words and Central Concepts*. 2nd ed. Stanford: Stanford Social Sciences.
- Weiss J. (1993) *Vernunft und Vernichtung: zur Philosophie und Soziologie der Moderne*. Opladen: Westdeutscher Verlag.

Перевод Н.В. РОМАНОВСКОГО

Перевод выполнен при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00407.

⁴ Далее Дж. Штайнметц излагает сделанные и планируемые шаги Секции сравнительной и исторической социологии АСА, связанные с проблематикой современного кризиса, истории кризисов и социологии как «кризисной науки». – Прим. перевод.